Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-623-630
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ПОПОВ Даниил Сергеевич,
магистрант 2 курса магистерской программы «Международное, частное и публичное право», Международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: danyapopow@gmail.com

ОБЩЕСТВО КАК СТОРОНА КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА: ДОПУСТИМОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ УЧАСТИЯ

Аннотация. *Статья посвящена участию хозяйственного общества в корпоративном договоре в качестве самостоятельной стороны. Актуальность исследования обусловлена отсутствием прямого законодательного ответа на вопрос о допустимости такой конструкции при ее востребованности в корпоративной практике и неоднородности судебных подходов. Цель статьи состоит в обосновании возможности участия общества в корпоративном договоре и определении пределов такого участия. На основе анализа российского законодательства, судебной практики, отечественной доктрины и зарубежных подходов показано, что в иностранных правопорядках основное внимание уделяется пределам участия компании в соглашении акционеров и его влиянию на корпоративное управление, тогда как в России продолжает обсуждаться сама допустимость такого участия. Обосновывается необходимость прямого законодательного закрепления возможности участия непубличного общества в корпоративном договоре при условии его заключения всеми участниками (акционерами). Предлагается также закрепить примерный перечень регулируемых таким договором вопросов и обязанность отражать сведения о его наличии в ЕГРЮЛ.*

Ключевые слова: *корпоративный договор, хозяйственное общество, участие общества, стороны корпоративного договора, непубличное общество, соглашение акционеров, свобода договора, корпоративное управление.*

Для цитирования: *Попов Д. С. Общество как сторона корпоративного договора: допустимость и пределы участия // Право и управление. 2026. № 10. С. 623–630.*

POPOV Daniil Sergeevich,
second-year Master's student, Master's Programme "International, Private and Public Law", International Law School, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

A COMPANY AS A PARTY TO A CORPORATE AGREEMENT: PERMISSIBILITY AND LIMITS OF PARTICIPATION

Annotation. *The article examines the participation of a company in a corporate agreement as an independent party. The issue is relevant because Russian law does not expressly address such an arrangement despite its practical use and inconsistent judicial approaches. The article aims to substantiate company participation and define its limits. Analysis of Russian legislation, case law, legal scholarship and foreign approaches shows that other jurisdictions focus mainly on the limits of company participation in shareholders'*

agreements and its impact on corporate governance, whereas Russian scholarship still debates whether such participation is permissible. The article argues for express statutory recognition of a non-public company's ability to become a party to a corporate agreement provided that all members or shareholders are parties to it. It also proposes a non-exhaustive list of matters that may be regulated by such an agreement and disclosure of its existence in the Unified State Register of Legal Entities.

Key words: *corporate agreement, company, company participation, parties to a corporate agreement, non-public company, shareholders' agreement, freedom of contract, corporate governance.*

For citation: *Popov D. S. A company as a party to a corporate agreement: permissibility and limits of participation. Law and administration. 2026;(10):623–630. (In Russ.).*

Введение

С момента законодательного закрепления института корпоративного договора в российском праве не прекращается дискуссия о возможности хозяйственного общества выступать стороной данного договора наравне с его участниками (акционерами). Текущее законодательное регулирование не дает прямого ответа на данный вопрос: как статья 67.2 ГК РФ, так и федеральные законы о хозяйственных обществах перечисляют в качестве сторон лишь самих участников (акционеров) соответствующих обществ. В то же время само по себе отсутствие регулирования конкретного вопроса в частном праве не отменяет практику применения конкретной конструкции участниками оборота и возникающую в связи с этим теоретическую и практическую проблематику. Цель настоящего исследования состоит в обосновании допустимости участия хозяйственного общества в корпоративном договоре и определении пределов такого участия. Для достижения указанной цели используются формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования.

Корпоративный договор в системе регулирования внутрикорпоративных отношений

Начать анализ следует с того, что в российской модели корпоративный договор играет значительную роль в регулировании внутрикорпоративных отношений. Основным ограничением свободы договора здесь является запрет определять структуру органов общества и их компетенцию (пункт 2 статьи 67.2 ГК РФ). В остальном установление в корпоративном договоре условий, противоречащих уставу, не дает его стороне права ссылаться на его недействительность по данному основанию (пункт 7 той же статьи) и не препятствует предъявлению требования к другой стороне, основанному на указанных положениях корпоративного договора [15]. Допустимым также является установление в корпоративном договоре условий, отличных от диспозитивных норм корпоративного законодательства [16]. Подобное регулирование de facto делает возможным превращение корпоративного договора во «второй» устав (в зависимости от условий первого).

Вместе с тем следует учитывать, что обязательства из корпоративного договора являются относительными и связывают именно его стороны, которыми по общему правилу являются участники (акционеры) общества. Предъявление к самому обществу требований из корпоративного договора, стороной которого оно не является, противоречит классическому принципу обязательственного права pacta tertiis nec nocent nec prosunt, на что справедливо указывалось в российской судебной практике [17]. Сочетание столь широких возможностей корпоративного договора в регулировании внутрикорпоративных отношений с относительным характером возникающих из него обязательств предопределяет сложность вопроса о допустимости участия самого общества в таком договоре.

Практическое значение участия общества в корпоративном договоре

Какие именно вопросы на практике побуждают участников (акционеров) включать само общество в качестве стороны корпоративного договора? Прежде всего это возложение на общество обязанности предоставлять участникам (акционерам) определенные документы и иную информацию в порядке и на условиях, определенных корпоративным договором. Несмотря на то, что порядок предоставления информации о деятельности общества урегулирован законодательством лишь в общих чертах (статья 50 Закона об ООО, статья 91 Закона об АО), а детально обычно регулируется на уровне устава, установление особого порядка предоставления информации в корпоративном договоре может быть более привлекательным вариантом, так как позволяет в конфиденциальном порядке (в отличие от устава) урегулировать данную обязанность общества перед его участниками (акционерами), что в случае нарушения позволит последним предъявить требование об исполнении обязательства в натуре. Как указывается в германской доктрине, подобные обязанности особенно актуальны при реализации обществом инвестиционных проектов с привлечением стороннего финансирования, где информационные обязанности общества играют существенную роль для защиты прав инвестора [1, S. 24–25].

Во-вторых, участие общества в корпора-

тивном договоре позволяет использовать его как инструмент закрепления определенных обязательств перед участниками. Данные обязательства могут носить сугубо практический характер (строительство определенного объекта, приведение информационных систем компании к новому техническому стандарту) либо предусматривать совершение обществом сделок и иных юридически значимых действий (проведение первичного публичного размещения акций общества (Initial Public Offering; IPO), проведение реорганизации общества, заключение договоров с определенными контрагентами). Е.В. Глухов отмечает, что указанные условия являются стандартной международной практикой при заключении корпоративных договоров в отношении совместных предприятий [2, с. 91].

В-третьих, важным преимуществом является закрепление в корпоративном договоре специальных имущественных механизмов защиты и распределения рисков, предусмотренных как на случай нарушения сторонами обязательств из данного договора, так и при наступлении иных согласованных обстоятельств. К таким механизмам могут относится, неустойка, институт возмещения потерь (пункт 5 статьи 406.1 ГК РФ) и, при подчинении корпоративного договора иностранному (например, английскому) праву при наличии соответствующего иностранного элемента (статья 1214 ГК РФ) институт заранее оцененных убытков (liquidated damages). Е.М. Ключарева обращает внимание, что подобный механизм благоприятствует не только участникам (акционерам), но и самому обществу, поскольку позволяет более быстро и гарантированно получить возмещение за недобросовестное поведение участников (акционеров) вместо предъявления классических требований о возмещении убытков [3, с. 66].

Подходы зарубежных правопорядков к участию компании (общества) в соглашении акционеров

В зарубежных правопорядках вопрос участия общества в корпоративном договоре также затрагивался. Так, в английском праве компания может выступать стороной соглашения акционеров, однако после дела Russell v. Northern Bank [18] такие соглашения не могут ограничивать законные полномочия (statutory powers) самой компании и ее менеджмента или ставить их осуществление в зависимость от согласия сторон соглашения (например, соглашение не может запретить компании производить дополнительный выпуск акций без получения согласия стороны такого соглашения). Подобный подход критиковался в английской доктрине за чрезмерный формализм: если все или большая часть акционеров одновременно являются сторонами соглашения и связаны обязательством не голосовать за дополнительный выпуск, то фактически компания все равно не сможет его осуществить, в связи с чем подобные ограничения не имеют практического смысла [4, p. 346–347]. В американском штате Делавэр, который традиционно считается передовым с точки зрения развития корпоративного права, суд по делу Moelis [19] пришел к похожему выводу, сочтя допустимым участие корпорации в акционерном соглашении, но при этом незаконным ограничение традиционно широких в американской модели полномочий совета директоров в пользу акционеров. Однако поскольку подобные условия соглашения являются крайне распространенными, законодатель отреагировал на сложившуюся ситуацию и в 2024 году в Общий закон Делавэра о корпорациях был добавлен параграф 122 (18), прямо закрепляющий возможность корпорации быть стороной соглашения акционеров, ограничивающего полномочия совета директоров. Такое соглашение не может противоречить лишь сертификату инкорпорации, содержащему базовые характеристики юридического лица, и немногочисленным императивным нормам местного законодательства. Германская доктрина и практика также исходят из допустимости участия общества в соглашении участников, при этом важно отметить, что само такое соглашение (Gesellschaftervereinbarung) не может противоречить положениям устава и учредительного договора общества [5, S. 146]. Несложно заметить, что зарубежная дискуссия разворачивается не относительно самой возможности корпорации быть стороной корпоративного договора, а о пределах такого участия и роли самого корпоративного договора в регулировании корпоративных отношений.

Допустимость участия общества в корпоративном договоре в российской доктрине

Отечественная доктрина, напротив, в основном сконцентрирована именно на первом вопросе. На основе проведенного анализа представляется возможным разделить позиции российских ученых на две основные группы: (i) тех, кто допускает (с определенными оговорками или без них) возможность участия общества в корпоративном договоре и (ii) тех, кто полагает, что исходя из текущего российского законодательного регулирования такое участие не является допустимым.

Первая группа в основном представлена учеными и практикующими юристами, рассматривавшими институт корпоративного договора после его первоначального законодательного закрепления в 2008 – 2009 гг. в двух законах о хозяйственных обществах. В то время акцент в основном делался на проявлении фундаментального принципа свободы договора и отсутствии прямого законодательного запрета на участие общества в корпоративном договоре [6, с. 37]. При

этом уже тогда Р. И. Ахмадуллин отмечал, что данная свобода должна иметь ограничение в виде обязательного требования об участии всех акционеров (участников) в таком соглашении [7, с. 212]. М. Плеханов также полагал необходимым условием отсутствие дифференциации прав участников общества в обход регулирования, установленного уставом, в связи с участием общества в соглашении его участников [8, с. 55].

Со временем, однако, в российской доктрине получил преобладание противоположный подход, аргументация которого опирается на историческое толкование: при подготовке реформы в 2007 – 2009 гг. вопрос о включении общества в субъектный состав корпоративного договора стал одним из предметов дискуссии между Минэкономразвития РФ и Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, а исключение прямого упоминания общества как стороны данного договора из текста закона стало как раз компромиссным вариантом [9, с. 45]. Появившаяся в 2014 году статья 67.2 ГК РФ также не содержала указаний на возможность общества быть стороной корпоративного соглашения, в связи с чем отдельные ученые, в частности, Д. В. Ломакин, de lege lata отрицают такую возможность в российском праве [10, с. 137].

Особого внимания заслуживает позиция В. А. Лаптева. Изначально в совместной монографии с В. К. Андреевым авторами высказывалась позиция о том, что участие общества в корпоративном договоре, сторонами которого выступают все участники общества, приведет к «удвоению субъекта» [11, с. 167]. Позволим себе не согласиться с данным тезисом, поскольку в настоящее время корпорация рассматривается в большинстве правопорядков в качестве самостоятельного субъекта правоотношений за исключением отдельных экстраординарных случаев (например, при вскрытии корпоративного покрова и применении так называемой проникающей ответственности). Конкретные различия между участниками (акционерами) и обществом для целей корпоративного договора были явно продемонстрированы нами выше, в связи с чем рассматриваемый тезис следует считать чрезмерно формальным. Вместе с тем в более поздней статье ученый занимает уже противоположную позицию о практической применимости участия общества в корпоративном договоре для целей дополнительных гарантий прав инвесторов и подтверждает необходимость подобного регулирования de lege ferenda. В качестве одного из условий подобного участия автором называется как раз необходимость его подписания всеми участниками общества [12, с. 87–89].

Условия и пределы участия общества в корпоративном договоре

Подобное изменение позиции представляется вполне обоснованным. С нашей точки зрения, проведенный сравнительно-правовой анализ и представленные практические соображения свидетельствуют в пользу признания за обществом права быть стороной корпоративного договора. В то же время заслуживают внимания опасения, связанные с потенциальным заключением данного соглашения обществом лишь с частью его участников. Рассмотрим в качестве примера информационные обязанности: если корпоративным договором будет предусмотрена обязанность общества предоставлять участникам – контрагентам по данному договору определенный объем ценной с коммерческой точки зрения информации о деятельности компании, в то время как иные участники общества смогут получить данную информацию только в соответствии с законодательством и уставом, видится очевидным, что первая группа будет иметь значительное преимущество, поскольку оперативное получение информации, касающейся бизнеса, позволит данным лицам быстрее принимать важные для себя решения (в том числе о выходе из общества при определенных негативных обстоятельствах). Особую значимость такой риск приобретает в отношении миноритариев, доступ которых к значимой информации о деятельности общества уже существенно ограничен действующим законодательством [13, с. 194]. В связи с этим видится обоснованным законодательное закрепление требования об одновременном подписании корпоративного договора с участием общества всеми его участниками (акционерами).

В качестве функционального аналога можно было бы рассмотреть возможность подписания договора не всеми участниками общества при условии его одобрения общим собранием, тем более что в доктрине указывалось на применение в таком случае последствий, предусмотренных для сделок с заинтересованностью [7, с. 212]. Такой подход, однако, вызывает сомнения, поскольку само по себе такое голосование не решает, например, обозначенных выше проблем с неравенством участников в отношении права на информацию после одобрения такого договора. Также возникающее на первый взгляд практическое удобство подобного варианта будет сталкиваться с необходимостью полного раскрытия содержания корпоративного договора всем не подписавшим его участникам, а каждое изменение такого договора потребует созыва внеочередного общего собрания с соблюдением установленных законодательством и уставом сроков и иных требований. Более разумным для целей оборота в этой связи видится сохранение только первого варианта, предполагающего подписание подоб-

ного договора всеми участниками.

Логическим продолжением предыдущего требования является возможность участия в корпоративном договоре только для непубличных обществ. Во-первых, само по себе подписание договора всеми акционерами публичного акционерного общества с практической точки зрения не представляется возможным, поскольку состав акционеров может непрерывно изменяться в результате биржевых торгов. Во-вторых, данный подход является продолжением идеи о фидуциарном характере взаимоотношений в непубличном обществе, находящей отражение в действующем законодательстве, предусматривающем возможность участников (акционеров) непубличных обществ регулировать внутренние отношения одновременно уставом и корпоративным договором, сторонами которого являются все участники (акционеры) общества (пункт 4 статьи 66.3 ГК РФ). Вызывает сомнения также идея о допустимости участия в качестве стороны корпоративного договора публичного акционерного общества при условии, что такое общество по данному договору будет наделяться исключительно правами, но не обязанностями [14, с. 69]. С практической точки зрения остается неясным, какие именно права отдельные (скорее всего мажоритарные) акционеры хотят передать обществу в рамках корпоративного договора, учитывая, что чаще всего возникает потребность именно в возложении на общество определенных обязанностей по данному договору.

В рамках возможных изменений законодательства нам также видится разумным закрепление примерного, не исчерпывающего перечня вопросов, которые могут быть урегулированы в корпоративном договоре с участием общества, о чем было сказано выше. Введение подобного перечня даст участникам оборота большую уверенность в том, что права и требования, основанные на наиболее распространенных положениях таких договоров, получат судебную защиту и не останутся nudum jus. Обоснованным видится также закрепление обязанности по отражению в Едином государственном реестре юридических лиц информации о наличии заключённого с самим непубличным обществом корпоративного договора (по аналогии с тем, как сейчас отражается информация о корпоративных договорах, предусматривающих размер полномочий участников (акционеров) непропорционально принадлежащим им долям (акциям)) [20].

Следует отметить, что часть рассмотренных выше предложений так или иначе включалась Минэкономразвития России в разработанные им законопроекты о закреплении возможности общества быть участником корпоративного договора. Так, в проекте 2015 года предполагалось в рамках двух законов о хозяйственных обществах реализовать идею о возможности участия непубличного общества в корпоративном соглашении с одновременным подписанием данного соглашения всеми участниками (акционерами) [21]. В 2023 году Минэкономразвития России вновь предложило похожие поправки, но уже непосредственно в статью 67.2 ГК РФ [22]. Оба проекта так и не дошли до парламентского обсуждения.

Подходы российской судебной практики

В отсутствие точных законодательных ориентиров и доктринальных подходов российская судебная практика по названному вопросу также не отличается единообразием. В первые годы после появления статьи 67.2 ГК РФ отдельные суды придерживались консервативного подхода, указывая, что сторонами корпоративного договора могут быть только участники общества [23]. Позднее, учитывая практику делового оборота, суды начали допускать участие общества в корпоративном договоре, что мы оцениваем как позитивное изменение. Однако в части обоснования сложилось три основных подхода. Первый из них был закреплен в постановлении апелляционной инстанции по делу АО «СТП-САСТА» [24] и заключается в признании корпоративного договора с участием общества смешанным по своему характеру, а значит и в признании за обществом возможности обладать правами и нести обязанности по нему в той части, в которой договор содержит элементы другого поименованного или непоименованного договора. Из всех подходов данный следует признать наиболее убедительным, однако и он не лишен недостатков: суду при следовании данному подходу потребуется устанавливать, является ли конкретный корпоративный договор смешанным, что с нашей точки зрения (особенно учитывая более раннюю практику и преобладающий консервативный подход в доктрине) не всегда приведет конкретный суд к такому же выводу, как в рассматриваемом деле. Также критически следует относиться к выводу суда о том, что в рамках самого акционерного соглашения общество «не является субъектом, а остается объектом отношений акционеров». С догматической точки зрения такой вывод является некорректным – объектом отношений участников (акционеров) по данному договору выступают корпоративные права и порядок их реализации, но не само общество, которое остается самостоятельным субъектом права. Регулирование корпоративным договором внутренних отношений участников общества по использованию принадлежащих им прав, связанных с участием в уставном капитале общества, не превращает общество в такой же объект названного договора каким является вещь в договоре купли-продажи.

Второй подход нашел свое отражение в

недавнем решении арбитражного суда Калужской области, оставленном без изменения вышестоящими инстанциями в рассматриваемой части [25]. Суд признал возможность участия общества в корпоративном договоре на основании пункта 9 статьи 67.2 ГК РФ, который предусматривает возможность заключения участниками общества соглашений о реализации своих корпоративных прав с кредиторами общества и иными третьими лицами. В сущности, первая инстанция признала общество «иным третьим лицом» по смыслу названной нормы, что не может не вызывать вопросов и обоснованных сомнений. Во-первых, сам договор, упомянутый в пункте 9 статьи 67.2 ГК РФ, является так называемым «квазикорпоративным» договором, к которому положения о корпоративном договоре подлежат субсидиарному применению. Несмотря на очевидную схожесть данных институтов, нельзя не отметить, что по буквальному тексту закона они являются двумя разными типами договоров. Во-вторых, при более детальном анализе рассматриваемого пункта становится очевидно, что под «иными третьими лицами» не может подразумеваться само общество, поскольку договор в данном случае заключается «в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц». Под два названных признака может подпадать целый ряд субъектов гражданско-правовых отношений, включая потенциальных приобретателей долей (акций), бенефициарных владельцев бизнеса, основные (материнские) общества, супругов участников (акционеров), доли (акции) которых находятся в общей совместной собственности, однако само хозяйственное общество, хотя и являющееся «третьим лицом» в силу принципа относительности обязательства, не отвечает второму критерию, поскольку возложение на само общество обязанностей никак не может указывать на охрану его интереса. Буквальное и системное толкование нормы не дает оснований считать, что законодатель имел в виду само общество в качестве субъекта, к которому та будет обращена. Впрочем, здесь, как в постановлении по делу АО «СТП-САСТА», подход суда можно объяснить стремлением следовать принципу favor negotii и обеспечить защиту реализованной сторонами свободы договора при ограниченности имеющегося нормативного инструментария.

Третий подход заключается в том, что суды, рассматривая споры, связанные с корпоративными договорами с участием общества, не дают самостоятельной оценки допустимости участия общества в таком договоре. Иными словами, соответствующая конструкция фактически принимается судами как данность, тогда как вопрос о правовых основаниях участия общества в корпоративном договоре специально не исследуется [26]. Следует признать, что даже данный подход является более предпочтительным по сравнению с отрицанием возможности общества быть стороной корпоративного договора.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что российское право в настоящий момент нуждается в законодательном регулировании возможности участия хозяйственного общества в корпоративном договоре в целях обеспечения потребностей оборота и формирования единообразной судебной практики, а основная дискуссия, как и в других правопорядках, должна сместиться с вопроса о самой по себе возможности общества участвовать в корпоративном договоре на вопросы о порядке и пределах такого участия.

Список литературы:

[1] Weitnauer W. Handbuch Venture Capital: Von der Innovation zum Börsengang. 7., überarb. Aufl. München : C.H. Beck, 2022. LI, 873 S.

[2] Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М. : Статут, 2017. 672 с.

[3] Ключарева Е. М. Участие общества в корпоративном договоре // Диалог. 2017. № 1 (6). С. 62–68.

[4] Ferran E. The Decision of the House of Lords in Russell v. Northern Bank Development Corporation Limited // The Cambridge Law Journal. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 343–366.

[5] Schmidt M. C., Nachtwey J. Der Gesellschafter // Beck'sches Handbuch der GmbH: Gesellschaftsrecht, Steuerrecht / hrsg. von U. Prinz, N. Winkeljohann. 6., vollständig überarb. und erw. Aufl. München : C.H. Beck, 2021. S. 104–150.

[6] Распутин М. Договор об осуществлении прав участников ООО как инструмент защиты интересов миноритариев // Корпоративный юрист. 2009. № 8. С. 34–38.

[7] Ахмадуллин Р. И. Акционерное соглашение как правовое средство реализации правосубъектности акционера // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 209–215.

[8] Плеханов В. Договоры участников общества с ограниченной ответственностью // Корпоративный юрист. 2009. № 6. С. 53–57.

[9] Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10. С. 22–69.

[10] Ломакин Д. В. Установление баланса императивных и диспозитивных начал как основная задача совершенствования механизма правового регулирования корпоративных отношений // Национальный доклад по корпоративному управлению. Вып. XII. М., 2020. С. 121–150.

[11] Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 352 с.

[12] Лаптев В. А. Корпоративный договор на современном этапе: обеспечение потребностей инвесторов и эффективное управление обществом // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 2. С. 74–96.

[13] Бойко Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М. : Статут, 2019. 255 с.

[14] Беспалов Ю. Ф. К вопросу о понятии, субъектном составе и особенностях корпоративного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 66–70.

[15] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 37) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[16] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2022 № 301-ЭС22-12909 по делу № А31-17894/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.05.2022 № Ф09-1633/22 по делу № А34-16185/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Russell v Northern Bank Development Corp Ltd [1992] 1 WLR 588.

[19] West Palm Beach Firefighters' Pension Fund v. Moelis & Co., 311 A.3d 809 (Del. Ch. 2024).

[20] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (подп. «л.1» п. 1 ст. 5) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[21] Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)» (подготовлен Министерством экономического развития Российской Федерации; текст по состоянию на 21.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[22] Проект федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/122129/ (дата обращения: 27.09.2026).

[23] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2016 № 08АП-3836/2016 по делу № А46-16331/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.03.2017 № Ф07-369/2017 по делу № А21-9097/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[24] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2019 № 09АП-60340/2018 по делу № А40-118958/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[25] Решение Арбитражного суда Калужской области от 15.08.2025 по делу № А23-885/2025; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2025 № 20АП-4212/2025 по делу № А23-885/2025; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.04.2026 № Ф10-3883/2025 по делу № А23-885/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[26] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2025 № 309-ЭС25-8214 по делу № А50-6610/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Weitnauer W. Handbuch Venture Capital: Von der Innovation zum Börsengang. 7., überarb. Aufl. München: C.H. Beck, 2022. LI, 873 S.

[2] Glukhov E.V. Corporate Agreement: Preparation and Negotiation in Establishing a Joint Venture. Moscow : Statut, 2017. 672 p.

[3] Klyuchareva E.M. Participation of a Company in a Corporate Agreement // Dialogue. 2017. No. 1 (6). P. 62–68.

[4] Ferran E. The Decision of the House of Lords in Russell v. Northern Bank Development Corporation Limited // The Cambridge Law Journal. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 343–366.

[5] Schmidt M.C., Nachtwey J. Der Gesellschafter // Beck'sches Handbuch der GmbH: Gesellschaftsrecht, Steuerrecht / ed. by U. Prinz, N. Winkeljohann. 6., vollständig überarb. und erw. Aufl. München : C.H. Beck, 2021. S. 104–150.

[6] Rasputin M. Agreement on the Exercise of Rights of LLC Participants as an Instrument for Protecting Minority Interests // Corporate Lawyer. 2009. No. 8. P. 34–38.

[7] Akhmadullin R.I. Shareholders' Agreement as a Legal Instrument for Exercising a Shareholder's Legal Personality // Actual Problems of Economics and Law. 2013. No. 1 (25). P. 209–215.

[8] Plekhanov V. Agreements of Members of a Limited Liability Company // Corporate Lawyer. 2009. No. 6. P. 53–57.

[9] Stepanov D.I., Vogel V.A., Schramm H.-J. Corporate Agreement: Approaches of Russian and German Law to Certain Issues of Regulation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 10. P. 22–69.

[10] Lomakin D.V. Establishing a Balance between Mandatory and Dispositive Principles as

the Main Task of Improving the Mechanism of Legal Regulation of Corporate Relations // National Report on Corporate Governance. Iss. XII. Moscow, 2020. P. 121–150.

[11] Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia: Monograph. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow : Prospekt, 2017. 352 p.

[12] Laptev V.A. Corporate Contract at the Present Stage: Meeting the Needs of Investors and Effective Management of Society // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2025. Vol. 20. No. 2. P. 74–96.

[13] Boyko T.S. Protection of the Rights and Interests of Minority Members of a Non-Public Company under the Laws of Russia, the United States and the United Kingdom. Moscow : Statut, 2019. 255 p.

[14] Bespalov Yu.F. On the Concept, Parties and Specific Features of a Corporate Agreement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2. P. 66–70.

[15] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (paragraph 37) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8.

[16] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.08.2022 No. 301-EC22-12909 in case No. A31-17894/2020 // SPS "ConsultantPlus.".

[17] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 30.05.2022 No. F09-1633/22 in case No. A34-16185/2019 // SPS "ConsultantPlus.".

[18] Russell v Northern Bank Development Corp Ltd [1992] 1 WLR 588.

[19] West Palm Beach Firefighters' Pension Fund v. Moelis & Co., 311 A.3d 809 (Del. Ch. 2024).

[20] Federal Law of 08.08.2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" (Sub. "l.1" clause 1 of article 5) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part I). Art. 3431.

[21] Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (in terms of bringing it into line with the new version of Chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation)" (prepared by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; text as of 21.09.2015) // SPS "ConsultantPlus.".

[22] Draft federal law "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Federal portal of draft regulatory legal acts. URL: https://regulation.gov.ru/projects/122129/ (access date: 27.09.2026).

[23] Ruling of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 12.05.2016 No. 08АП-3836/2016 in case No. A46-16331/2015; Decision of the Arbitration Court of the North-Western District of 06.03.2017 No. F07-369/2017 in case No. A21-9097/2015 // SPS "ConsultantPlus.".

[24] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 11.04.2019 No. 09AP-60340/2018 in case No. A40-118958/2018 // SPS "ConsultantPlus.".

[25] Decision of the Arbitration Court of the Kaluga Region dated 15.08.2025 in case No. A23-885/2025; Ruling of the Twentieth Arbitration Court of Appeal of 29.10.2025 No. 20AP-4212/2025 in case No. A23-885/2025; Decision of the Arbitration Court of the Central District of 02.04.2026 No. F10-3883/2025 in case No. A23-885/2025 // SPS "ConsultantPlus.".

[26] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.09.2025 No. 309-EC25-8214 in case No. A50-6610/2023 // SPS "ConsultantPlus.".